

Продолжение бестселлера «Уличный кот по имени Боб»!

Подарок от кота Боба

Джеймс БОУЭН

КАК УЛИЧНЫЙ КОТ ПОМОГ ЧЕЛОВЕКУ
ПОЛЮБИТЬ РОЖДЕСТВО

Уличный кот по имени Боб

Джеймс Боуэн

**Подарок от кота Боба.
Как уличный кот помог
человеку полюбить Рождество**

«РИПОЛ Классик»

2014

Боуэн Д.

Подарок от кота Боба. Как уличный кот помог человеку полюбить Рождество / Д. Боуэн — «РИПОЛ Классик», 2014 — (Уличный кот по имени Боб)

Уже больше четырех лет книга «Уличный кот по имени Боб» возглавляет списки бестселлеров во всем мире. История о том, как рыжий кот спас жизнь бездомному уличному музыканту, покорила миллионы людей во многих странах. «Подарок от кота Боба» – это продолжение истории Джеймса и его рыжего друга. Ведь этой парочке всегда есть о чем рассказать своим читателям! До встречи с Бобом Джеймс не любил Рождество, но рыжий кот все изменил. Он в буквальном смысле подарил своему хозяину новую жизнь, сотворив настоящее рождественское чудо.

Содержание

Пролог	7
Три года назад. Лондон, канун Рождества	21
Глава I. Золотые лапки	21
Глава II. Мальчик по ту сторону занавески	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джеймс Боуэн

Подарок от кота Боба

Copyright © James & Bob Ltd and Connected Content Ltd, 2014

HODDER & STOUGHTON

www.hodder.co.uk

Cover photographs © Clint Images

© Перевод. Колябина Е. И., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

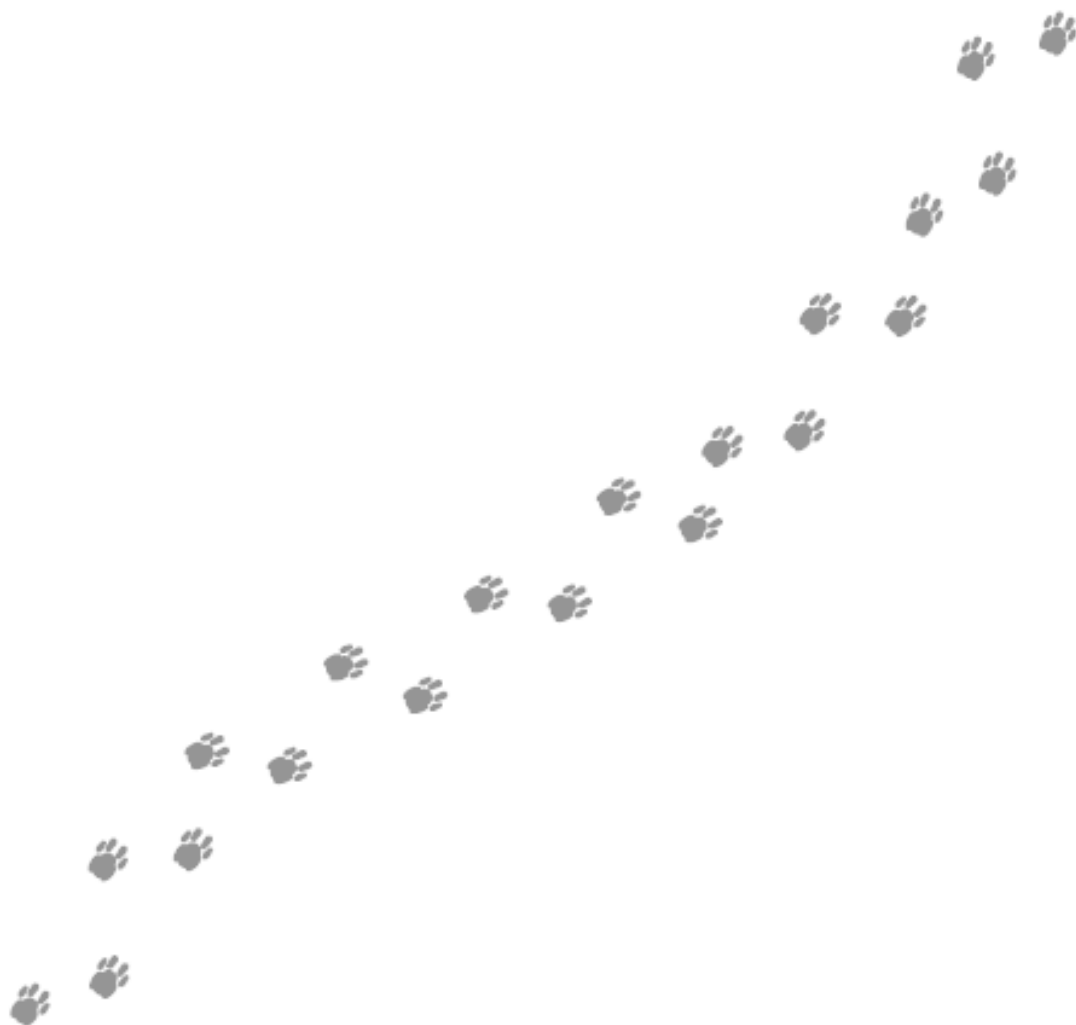
Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пенни и Марку с любовью

*Семье Винтерс. В моменты отчаяния ТМВ
всегда возвращали солнце в мою жизнь*

*«Может быть, Рождество нельзя купить в магазине», – подумал
Гринч.
Доктор Сьюз*

*Время, проведенное с кошками, никогда не бывает потрачено
впустую.
Зигмунд Фрейд*



Пролог

Лондон, декабрь 2013 года

До Рождества оставалась еще неделя, но в роскошном отеле неподалеку от Трафальгарской площади грядущий праздник уже отмечали на всю катушку. Огромный зал с зеркальными стенами гудел от смеха и разговоров – там собралось более двухсот гостей. Небольшая армия официантов ловко маневрировала в толпе с тележками, на которых позвякивали бокалы с вином и шампанским и блюда с аппетитными закусками. Все были охвачены праздничным настроением.



Поскольку вечеринку организовало одно из крупнейших лондонских издательств, по залу ходило немало именитых авторов. То тут, то там я наткнулся на знакомые лица и вспоминал, что видел этих людей в телевизионных передачах или на газетных снимках.

Судя по тому, как гости радовались встрече, можно было догадаться, почти все они были старыми друзьями. А вот я в зале почти никого не знал и из-за этого чувствовал себя самозванцем, тайком пробравшимся на чужой праздник.

Вот только самозванцем я не был.

Об этом свидетельствовало, прежде всего, элегантное приглашение с золотым тиснением, на котором значилось мое имя и еще «плюс один» (я намеревался сохранить его как сувенир). А еще несколькими минутами ранее, когда все собрались, хозяйка вечеринки (она же глава издательства) публично поблагодарила собравшихся, которые не испугались холодной погоды и пришли на рождественскую вечеринку. Среди прочих имен мое она выделила особо. Ладно, если уж быть до конца честными, мое – и моего «плюс одного».

– Мы рады приветствовать Джеймса Боуэна и его верного спутника Боба! – сказала она под громкие аплодисменты.

Кажется, в тот миг взгляды всех присутствовавших устремились в нашу сторону. Если бы только я один оказался в центре внимания, то, наверное, сквозь землю провалился бы от смущения. К счастью, это было не так. Впрочем, я уже давно привык, что люди при встрече смотрят не на меня, а на красивого рыжего кота с гордым взглядом, вальяжно восседавшего на моих плечах. Он напоминал капитана галеона, обзирающего со своего мостика морские просторы. Да, именно Боб привлекал всеобщее внимание.

Я не погрешу против истины, если скажу, что он спас мне жизнь. Мы встретились шесть лет назад, и тогда Боб был потрепанным бродячим котом; я нашел его на коврике в своем подъезде в многоквартирном доме на севере Лондона. Когда я впервые взял рыжего на руки, я и представить не мог, насколько он изменит всю мою жизнь. В то время я пытался избавиться от наркотической зависимости и перешел с героина на метадон. Мне было двадцать восемь; последние десять лет я в основном бродяжничал и скитался по ночлежкам. Я не знал, зачем живу, да и не задумывался об этом.

А потом появился Боб. Забота о нем наполнила смыслом мое существование, и я наконец-то смог взять себя в руки. Долгое время я перебивался случайными заработками, играя на гитаре для прохожих, но ради кота начал искать более надежный источник дохода. Вскоре я уже продавал журнал «Big Issue» и постепенно слезал с иглы. Боб – самый умный и сообразительный кот из всех, кого мне доводилось знать. Наша жизнь на улицах Лондона была невероятно насыщенной и богатой на события (правда, не всегда приятные). Боб вселял в меня силы, поддерживал в трудные минуты и снова и снова заставлял улыбаться.



Влияние Боба на мою жизнь оказалось настолько важным, что я даже решился написать книгу о наших приключениях. Она вышла в марте 2012 года, и, признаюсь, я был уверен в том, что магазины продадут не больше сотни экземпляров, да и то, если повезет. Но книга стала бестселлером, причем не только в Великобритании, но и во всем мире. Только в Соединенном Королевстве было продано более миллиона книг. После этого я написал продолжение – «Мир глазами кота Боба», а также поучаствовал в создании книги с картинками, в которой рассказывается о жизни рыжего до встречи со мной. Так что на обед, устроенный издательством, нас пригласили не случайно.



После того как закончились речи, вечеринка забурилась с новой силой. Официанты были чрезвычайно обходительны с Бобом и принесли мне миски, чтобы я мог положить ему немного еды и налить специального кошачьего молока. Рыжий обладал безграничным обаянием и без труда располагал к себе людей. Тот день не стал исключением. К нам постоянно подходили гости, которые хотели сфотографироваться со знаменитым лондонским котом или просто поздороваться. Они поздравляли меня с успехом книги и спрашивали о планах на будущее. Впервые в жизни у меня действительно появились планы на будущее, и я с удовольствием делился ими с окружающими. Я гордился своим сотрудничеством с благотворительными организациями, которые помогали людям, оказавшимся на улице, и животным, попавшим в беду. Мне казалось, что так я возвращаю долг тем, кто в тяжелые времена проявил сострадание к нам с рыжим. Когда меня спрашивали о планах на Рождество, я отвечал, что проведу его с Бобом и моей лучшей подругой Бэлль. Мы посетим шоу в Вест-Энде, а потом поужинаем в хорошем ресторане.



– Наверное, это Рождество будет отличаться от прошлых? – с улыбкой спросила меня одна леди.

– Да, конечно, – согласился я.

Вскоре вокруг меня собралась целая толпа именитых гостей, желавших лично познакомиться с Бобом и поздравить его с успехом. А я, признаться, никак не мог привыкнуть к пристальному вниманию со стороны окружающих, хотя подобное случалось все чаще и чаще. К примеру, неделю назад мы с Бобом провели целый день в одном престижном лондонском отеле, снимаясь в передаче для японского телевидения. Позже я узнал, что в Японии актеры заново воссоздали сцены из нашей с Бобом жизни для того, чтобы добавить истории драматизма. Это никак не укладывалось у меня в голове.



А несколькими месяцами ранее нас пригласили на ITV¹, чтобы перед многомиллионной аудиторией вручить первую в Великобритании Национальную награду для животных. Моя жизнь в последнее время все больше напоминала сон. Изо дня в день я делал то, о чем раньше и не мечтал. Мне все время хотелось попросить, чтобы кто-нибудь меня ущипнул.

¹ Одна из лидирующих телевизионных корпораций Великобритании. – *Здесь и далее примеч. пер.*



Но самое большое чудо случилось в конце рождественской вечеринки.

Гости понемногу начали расходиться, да и Боб выглядел усталым. Я присел, чтобы прицепить поводок, без которого мы с рыжим не выходим на улицу, и тут к нам подошел еще один человек.

– Можно и мне поздороваться с Бобом? А то я уже собралась уходить, – произнес женский голос.

– Подождите секунду, я только нацеплю поводок. – Я щелкнул карабинчиком и поднялся.



В этот раз мне не пришлось вспоминать, где же я видел эту женщину. Передо мной стояла Жаклин Уилсон, национальная гордость Великобритании, детская писательница, из-под пера которой вышли десятки замечательных книг.



Обычно я за словом в карман не лезу, но тут в буквальном смысле утратил дар речи. Я совершенно растерялся. Кажется, я начал бормотать, как люблю ее книги, и даже приплел Бэлль, которая была горячей поклонницей Трейси Бикер, одной из самых популярных героинь Жаклин Уилсон. Маститая писательница заметила мое смущение и улыбнулась:

– Я следила за вашей историей, и хочу сказать, что вы оба – большие молодцы. Вы проделали огромную работу.

Мы поболтали еще немного по пути к выходу. Я все никак не мог поверить в реальность происходящего. До этого момента я подсознательно чувствовал себя чужаком на этой вечеринке, но благодаря Жаклин это ощущение развеялось как дым.

Оставив позади сверкающий огнями отель, мы с котом окунулись в пасмурный лондонский вечер. Я замотал Боба в шарф – один из тех, что дарили ему многочисленные обожатели, – для того, чтобы кот не подхватил простуду.

– Отлично повеселились, друг? – подмигнул я рыжему.



И, как это нередко случалось в прошлом, улицы Лондона вернули меня обратно в реальность. Темнело; с Трафальгарской площади, где переливалась огнями гигантская рождественская елка, дул промозглый ветер, унося с собой отголоски переполнявшей меня в отеле эйфории.



– Пойдем, Боб, поймает такси, – поежился я, и мы направились в сторону площади.

Надо сказать, что фраза «поймает такси» тоже лишь недавно стала частью моей жизни. Раньше я о таком и подумать не мог. Были дни, когда у меня с трудом хватало мелочи на автобус. Даже теперь я редко пользуюсь такси и всякий раз не могу избавиться от чувства вины за потраченные деньги. Хотя в тот момент я имел на это полное право: Боб устал и замерз, а Бэлль ждала нас на Оксфорд-Серкус.

На улицах было многолюдно: лондонцы спешили в магазины за подарками к Рождеству или просто возвращались домой с работы, – и свободные такси раз за разом уводили у меня прямо из-под носа. Очередная машина отъехала от тротуара, когда я заметил на углу красную накидку продавца «Big Issue». Я сразу узнал шапку с помпоном, перчатки и шарф – каждую зиму сотрудники журнала раздавали их своим работникам, нуждавшимся в теплой одежде.

Впрочем, с самим продавцом я раньше не встречался, заросшее бородой и покрасневшее от ветра лицо ни о чем мне не говорило. На вид мужчине было лет пятьдесят, грязные седые волосы выбивались из-под шапки.



Рядом с ним на тротуаре лежала большая стопка журналов. Либо человек недавно приступил к работе, либо у него был неудачный день. Основываясь на собственном опыте, я бы скорее предположил последнее. А еще я ясно видел, что продавец замерз. Он топтался на месте, подпрыгивал, похлопывал себя по бокам, стараясь разогнать кровь, и дул на руки, пытаясь хоть немного согреться.



Я подошел к нему и протянул купюру в двадцать фунтов. Мелочи у меня не было.

– Спасибо, мужик! – удивленно выдохнул продавец.

В его взгляде читалось недоверие – он никак не мог понять, почему случайный прохожий дал ему столько денег. Когда мужчина протянул мне сдачу, я покачал головой.

Несколько секунд он пристально разглядывал нас с Бобом. На его лице застыл немой вопрос.

– Поверь, я знаю, каково это, – вздохнул я. – Знаю, как тяжело работать зимой на улице. Пожалуйста, возьми деньги, я понимаю, что такое несколько лишних фунтов.

Продавец понятия не имел, кто я такой, что неудивительно – меня сложно назвать знаменитостью. Недоверие на его лице сменилось скептическим выражением, но он все-таки улыбнулся.

– Я, правда, знаю, – повторил я.

– Ладно, поверю тебе на слово.



Я уже собирался уйти, когда продавец вдруг остановил меня:

– Погоди-ка! Вот, возьми. – Порывшись в рюкзаке, он протянул мне рождественскую открытку. Наверное, купил на распродаже или в благотворительном магазине. Внутри я обнаружил незамысловатую надпись: «Счастливого Рождества. Спасибо за неравнодушие. Брайан».

– Спасибо, – улыбнулся я. – Надеюсь, твое Рождество тоже будет счастливым.



Я бы постоял и поболтал с продавцом еще немного, но вдруг заметил свободное такси. Боб уже места себе не находил, поэтому я махнул рукой, останавливая машину. Едва я открыл дверь, как кот нырнул внутрь и свернулся на сиденье, благодарно урча. Кажется, он собрался проспать всю дорогу до Оксфорд-Серкус.



Когда мы отъезжали, я повернулся и посмотрел, как Брайан медленно растворяется в лондонских сумерках. Серая фигура в красной накидке скоро слилась с огнями Трафальгарской площади и пропала из виду, но я никак не мог выкинуть этого человека – и то, как он меня отблагодарил, – из головы. Простая открытка всколыхнула множество воспоминаний, счастливых и не очень.

Ведь совсем недавно я ничем не отличался от Брайана. Почти десять лет я тоже был в толпе невидимкой, чья жизнь зависит от доброты случайных прохожих. Последнее Рождество, когда мне пришлось работать на улице, случилось всего три года назад. И пока такси ехало по Риджент-стрит, освещенной яркой праздничной рекламой, я мысленно вернулся в то недалекое время.

Выживать на улицах всегда непросто, но в 2010-м начало зимы стало для меня настоящим испытанием. Тем не менее три года спустя я вспоминаю об этом времени с благодарностью, ведь именно тогда жизнь преподнесла мне немало важных уроков, которые невозможно приобрести ни за какие деньги. И хотя теперь меня ждало совсем другое Рождество, я понимал, что в жизни есть вещи, забывать о которых нельзя.

Три года назад. Лондон, канун Рождества



Глава I. Золотые лапки

Путь домой был долгим и трудным.

Декабрь 2010 года выдался одним из самых холодных за всю историю метеонаблюдений, а накануне Лондон накрыла сильнейшая за последние двадцать лет метель. За несколько часов выпало почти шесть дюймов² снега, и на следующий день мостовая превратилась в неровный блестящий каток. Она предательски скользила. Занося ногу для очередного шага, я всякий раз задавался вопросом, смогу ли удержаться в вертикальном положении или разобью лицо о тротуар. Ситуацию осложнял еще и тот факт, что при малейшем движении правое бедро простреливала острая боль.

² Дюйм – единица измерения расстояния в некоторых европейских неметрических системах; равен 2,54 см.



Она-то и выгнала меня сегодня из дому. Болеть нога начала еще месяц назад, и на прошлой неделе доктор подтвердил мои опасения: тромбоз, который однажды уже уложил меня на больничную койку, вновь обострился. Врач прописал мне болеутоляющие и посоветовал пореже бывать на улице до конца арктических холодов.

– Холод замедляет кровоток, что способствует образованию тромбов, – сказал он. – Поэтому лучше сидите дома, в тепле.

«Если бы я мог! – хмыкнул я про себя. – Приближается Рождество, в Лондоне снега больше, чем в Сибири. Если я не буду работать, то на что куплю еды и как заплачу за отопление?»

Тем не менее дня два я все-таки не высовывался из квартиры – снежная буря бушевала с такой силой, что я предпочел отсидеться в тепле. Но сегодня боль в ноге стала нестерпимой, и я с трудом поковылял за лекарством. Было воскресенье, поэтому я не сразу нашел открытую аптеку.

Сколько было невероятно, и, купив таблетки, я добирался до дома довольно долго. В одном месте мне даже пришлось держаться за стену и передвигаться приставным шагом, чтобы не растянуться на льду. Когда я наконец добрался до подъезда дома, в котором прожил последние четыре года, то вздохнул с облегчением. Я радовался не только тому, что сумел остаться целым и невредимым. За полчаса, проведенные на улице, я промерз до костей, поэтому оказаться в тепле было очень приятно.

Работающий лифт еще больше улучшил мое настроение. В этом году в доме установили современный аппарат с электрическим табло. Новый лифт был куда быстрее и надежнее своего гидравлического предшественника, все время ломавшегося. Я побаивался нового лифта, но перспектива подниматься с больной ногой на шестой этаж нагоняла на меня такой ужас, что я все-таки решил рискнуть. И не прогадал. Лифт, негромко гудя, поднимался вверх, и мое настроение вместе с ним. А уж зрелище, открывшееся мне на пороге квартиры, и вовсе заставило меня широко улыбнуться.

В тот день к нам в гости заглянула моя подруга Бэлль. Она, как и я, пыталась избавиться от наркотической зависимости. Если бы Бэлль в свое время не пошла по кривой дорожке, то обязательно стала бы художником или дизайнером: она создавала волшебные вещи из всякого мусора. Как обычно, в это время года Бэлль занялась рождественскими украшениями и открытками. Несколько готовых уже лежали на диване. А журнальный столик посреди гостиной почти скрылся под грудой бумаги, блесок, ленточек и мишуры. И судя по тому, что творилось в комнате, Боб тоже принимал активное участие в творческом процессе.



Первым делом мне бросились в глаза ленточки. Они были буквально повсюду! Видимо, Бэлль приклеивала бантики к открыткам, и Боб стащил обрезки, когда она отвлеклась. Такое чувство, что кот пытался украсить ленточками всю квартиру: они валялись на ковре, свисали со спинки дивана и даже с телевизора. Рыжий крайне серьезно подошел к выполнению поставленной перед собой задачи!



Но одними ленточками он не ограничился. Помимо них на ковре и на диване красовались золотистые отпечатки кошачьих лап. Цепочка блестящих следов тянулась на кухню – очевидно,

«маэстро» бегал попить воды. На журнальном столике я заметил штемпельную подушку, по которой Боб явно старательно потоптался. Да, про «Голдфингера» я слышал, а вот с золотыми лапками столкнулся в первый раз!



Бэлль была так поглощена рождественскими украшениями, что даже не заметила, как рыжий с головой ушел в творчество.

– Я смотрю, Боб времени даром не терял, – сказал я со вздохом, снимая куртку и кивая на разбросанные повсюду ленточки и многочисленные золотые следы.

Бэлль ответила мне недоуменным взглядом:

– Ты о чем?

– Ну, ленточки... Отпечатки лап...

– Ленточки? Отпечатки лап? – Бэлль растерянно огляделась по сторонам. – О...

До нее наконец дошло. На секунду девушка смутилась, но потом весело рассмеялась и все никак не могла успокоиться.

– Вот дуралей! Но ты же знаешь, как он любит всем помогать, – сказала она.

Бэлль обожала Рождество и каждый год с нетерпением ждала этот праздник. Когда мы нарядили елку, она крепко обняла Боба, словно поздравив его с началом обратного отсчета до «большого дня». Для нее хаос, царящий в квартире, был неотъемлемой частью веселья. А мне оставалось только смириться с неизбежным.

Судя по поведению Боба в последнюю неделю, можно было легко понять, что он в восторге от праздничной суматохи. Мы вместе встречали уже третье Рождество, но никогда прежде я не видел, чтобы кот был так взволнован.



Впрочем, наряженные елки ему нравились всегда. На первое Рождество мы довольствовались маленьким деревцем, которое нужно было подключать к компьютеру через USB. Бобу сразу понравились мигающие огоньки; он мог часами следить за ними как зачарованный. На следующий год мы купили в местном супермаркете елку побольше. Теперь она возвышалась над старым письменным столом, который я много лет назад отыскал в магазине подержанных вещей. Конечно, по сравнению с другими елками, наводнившими улицы Лондона в последние дни, наша смотрелась очень скромно, и тем не менее Боб был в восторге.



Едва календарь сообщал о наступлении декабря, как Бэлль предлагала отправиться на поиски рождественского дерева. Стоило нам водрузить елку на стол, как Боб превращался в сгусток неукротимой энергии. Рыжему очень нравилось наблюдать за тем, как мы ее наряжаем, причем у него было весьма четкое представление о подходящих и неподходящих украшениях. Одни получали кошачье одобрение, другие он наотрез отказывался даже подпускать к любимой елочке. Ангела в качестве украшения для верхушки он решительно отверг. В прошлом году я купил в благотворительном магазине серебряную фею. Бэлль она понравилась, но едва я закрепил ее на макушке, как Боб принялся взбираться на елку, чтобы сорвать противную игрушку. И не унимался до тех пор, пока я ее не снял. Ему нравилась простая золотая звезда, поэтому она уже второй год украшала нашу рождественскую елку.



К шарикам Боб относился куда лучше. Правда, не ко всем, а только к новым, ярким и блестящим. Золотые и красные радовали его больше остальных. Еще ему нравились китайские фонарики, но их нужно было правильно развесить – спереди, чтобы ветки не мешали коту любоваться.

Время от времени я пытался добавить новое украшение – шоколадную конфету или сосновую шишку. Но Боб был начеку: он тут же протягивал лапу или подпрыгивал, чтобы убрать лишнюю, по его мнению, деталь. Недавно Бэлль попыталась привязать к еловым веткам несколько бантов, но рыжий сорвал их с неподдельным возмущением, посмотрев на нас так, будто хотел сказать: «Как вы смеете вешать эту гадость на мое дерево?!» Иногда недовольный кот просто опрокидывал елку, и нам приходилось поднимать ее с пола и возвращать украшения на место, заменяя разбитые игрушки новыми.



У Боба было свое собственное мнение даже о том, как должны размещаться ветки на елке: ему нравилось, чтобы между ними оставалось свободное пространство. Но на этот счет у меня появилась гипотеза. В преддверии Рождества мы начинали складывать под елку маленькие подарки. Боб любил играть со свертками, порой он стаскивал их со стола и принимался возить по полу, чтобы сорвать упаковку. Желая уберечь настоящие подарки, я клал под елку несколько пустых коробок, чтобы Боб мог порезвиться всласть. Так вот, я предполагал, что коту не нравилось, когда ветки загораживали ему доступ к вожаделенным сверткам.



Но когда наконец правильно украшенная елка вставала в правильном месте, Боб охранял ее так, будто она была самой важной в мире вещью. И горе тому, кто пытался к ней прикоснуться, поправить ветки или перевесить игрушки! Боб издавал утробный рык, а потом возвращал елку в прежнее положение. Он вцеплялся в ветку зубами и тянул ее до тех пор, пока она не вставала под нужным углом.



Впрочем, не всегда охрана рождественского дерева обходилась без происшествий. Боб любил забираться под елку, чтобы контролировать все пространство вокруг, и порой она заваливалась прямо на него. Перепуганный кот летел в одну сторону, шары и прочие украшения – в другую (потом он гонял их по комнате – видимо, чтобы снять напряжение). Конечно, наряжать елку по несколько раз в неделю – то еще удовольствие, но с Бобом это было не в тягость. И я всегда радовался, когда кот одобрительно мурлыкал, глядя на наше маленькое рождественское дерево. Особенно в холодный 2010 год.

Та зима выдалась особенно трудной (согласитесь, человек, который последние пятнадцать лет фактически перебивался с хлеба на воду, знает толк в тяжелых временах).

Налетевший на Лондон арктический циклон на целую неделю лишил меня возможности работать на улице. Пару раз мы с Бобом рискнули высунуть нос из подъезда, но либо нестерпимый холод, либо постоянные проблемы с общественным транспортом загоняли нас обратно. Не буду лукавить, сидеть в тепле, дремать под уютное мурчание свернувшегося у батареи Боба и наблюдать, как за окном кружатся легкие снежинки, было куда приятнее, чем мерзнуть на ледяном ветру, но тяга к комфорту обходилась мне дорого.



Мы жили впроголодь, и, застряв дома на несколько дней, я остался практически без средств к существованию. В другое время года я бы не слишком переживал по этому поводу, но не накануне Рождества.



Я любил готовиться к празднику с чувством, с толком, с расстановкой, постепенно закупая все необходимое. Если подумать, то именно мой подход к празднованию Рождества описал в своей песне «По одной за раз» Джонни Кэш (правда, он пел о человеке, который хотел собрать автомобиль и для этого таскал детали с завода, где работал). Не скрою, в те времена, когда все мои мысли были лишь о том, как достать очередную дозу, я не гнушался тем, чтобы красть из магазинов, но, к счастью, это осталось в прошлом. Теперь я с куда большей радостью платил за все, что мне нужно, даже если и покупал по одной вещи за раз.



Последние несколько недель кухня постепенно заполнялась продуктами для нашего с Бобом рождественского ужина. Для рыжего я приготовил запас его любимого рагу из кролика, специальное кошачье молоко и особые праздничные лакомства, себе купил грудку индейки и окорок. Все продукты я приобрел на распродаже (хотя даже так они стоили недешево), поэтому срок годности у них подходил к концу. Теперь рождественские припасы лежали в холодильнике; вместе с ними своего звездного часа ждали копченый лосось, сливочный сыр и небольшая упаковка мороженого. Еще я купил шоколадных конфет и масла с бренди к рождественскому пудингу, которым намеревался угостить Бэлль, когда она зайдет к нам двадцать шестого декабря. На кухне также стояли апельсиновый сок и полбутылки дешевой кавы³, которую я планировал выпить рождественским утром.

Понимаю, такой праздник даже с натяжкой нельзя назвать шикарным. Другие люди тратят на подарки и рождественское угощение гораздо больше денег. Но я с трудом выкроил средства даже на эти скромные покупки. И мысли меня одолевали не самые праздничные. Я постоянно думал о том, как подзаработать. За окном завывала вьюга, прогноз погоды обещал, что дальше все будет только хуже, и мне все время казалось, что я попал в какой-то дурной сон. Я большой поклонник творчества Тима Бёртона и недавно узнал из программы передач, что скоро будут транслировать один из его самых знаменитых фильмов – «Кошмар перед Рождеством». Так вот, эта фраза как нельзя лучше характеризовала мою жизнь в то время.

³ Белое игристое испанское вино.

Оставив Бэлль наедине с открытками, я отправился на кухню, чтобы налить себе чаю. Видимо, от подруги не укрылось мое мрачное настроение, поэтому через минуту она возникла в дверном проеме.

– Эй, Скрудж, не унывай! – сказала Бэлль с сочувствующей улыбкой. – Скоро Рождество.

Я едва удержался от того, чтобы не фыркнуть «Что за чушь!», как любил делать старый скряга из повести Диккенса, но вместо этого просто пожал плечами:

– Прости, но, кажется, праздничное настроение меня еще не посетило.



Судя по взгляду Бэлль, она догадывалась, в чем причина моей угрюмости.

– До праздника еще полно времени, уверена, ты успеешь заработать. – Девушка похлопала меня по плечу.

– Посмотрим, – проворчал я.

Глотнув чая, я направился обратно в гостиную, по пути собирая обрывки ленточек и вытирая отпечатки лап. К счастью, они легко покорялись влажной тряпке. Боб по-прежнему бродил по комнате, оставляя за собой шлейф золотых следов. Подумав, что рано или поздно он начнет слизывать краску с лап, я решил, что пора положить конец веселью.

– Пошли мыть лапы, хулиган, – сказал я, беря кота на руки.



Бэлль намек поняла и стала убирать клей, краску и прочие материалы для творчества. Теперь и она выглядела не такой радостной. Девушка слишком хорошо знала, чем грозят зимние холода людям, которые работают на улице.



- У тебя еще остался газ, чтобы согреть воду? – спросила она.
- Нет, но можно поставить кастрюлю на электрическую плитку, – предложил я.
- Понятно. – Бэлль вздохнула.
- Только, если не сложно, сходи посмотри на счетчик, – попросил я. – Я сам его уже боюсь.
- Я не преувеличивал – я действительно боялся.



В моей жизни случались времена, когда я был одержим разными вещами: гитарами, научно-фантастическими романами, компьютерными играми, очередной дозой. Теперь же я сходил с ума из-за счетчиков газа и электричества, которые висели рядом с входной дверью. Меня заставили установить их после того, как я не смог оплатить коммунальные услуги по квитанциям. Расчет производился по карточкам, которые нужно было регулярно покупать в ближайшем круглосуточном магазине. Я старался пополнять счет как можно чаще, но с постоянно растущими ценами это было не так-то просто. Кажется, зимой приходилось платить по два-три фунта в день, чтобы тебе не отключили электричество и газ. В начале декабря я положил на карточку денег с запасом, но последнюю неделю отопление работало на полную мощность, и деньги уходили с невероятной быстротой. Я понимал, что долго мы так не протянем.



В оба счетчика была встроена опция «пять фунтов на крайний случай». Чтобы активировать ее, нужно было вставить карточку, а потом нажать кнопку с буквой «Е». Счетчик пищал три раза, оповещая всех, что ты перешел на неприкосновенный запас. Но как только заканчивались и эти деньги, электричество и газ отключали. Тогда приходилось без промедления класть деньги на счет, да еще пять фунтов сверху, чтобы покрыть долг. Дня два назад я воспользовался кнопкой «Е». Теперь я знал, что от холода и темноты меня отделяют всего пять фунтов, и с замиранием сердца ждал, когда в тишине снова раздастся писк счетчика, возвещающий о том, что деньги закончились.

Поскольку не все люди могут пополнить карточку ночью, энергетические компании снабдили оба прибора «дружественным периодом неотключения». Если в шесть вечера еще оставались деньги на счету, можно было не беспокоиться, что тебя отключат в полночь или в воскресенье, когда найти открытый магазин довольно проблематично.



Так что теперь я каждый вечер с нетерпением ждал шести часов, чтобы вздохнуть с облегчением и успокоиться по крайней мере до девяти утра. В субботу тихий щелчок сообщил мне, что до понедельника я могу ни о чем не беспокоиться. Но наступила новая неделя, и каждое утро я просыпался в ужасе – ждал, что в квартире раздастся противный писк, и мне отключат электричество. Неудивительно, что я весь извелся.

Два дня назад отключили газ. Я остался без горячей воды и, что куда хуже, без центрального отопления. Боб тоже от этой ситуации был не в восторге, ведь он лишился любимого места у батареи в гостиной. Нас спасал маленький обогреватель, который я поставил в большой комнате. Он потреблял очень много электричества, так что я включал его только в крайнем случае. Оставшееся время я проводил на кухне или сидел под одеялом в спальне. Боб быстро сообразил, что самое теплое место в доме теперь у меня под боком, и старался держаться как можно ближе.



Я понимал, что задолжал газовой компании куда больше пяти фунтов. Значит, для оплаты счета потребуется не меньше пятнадцати. А таких денег у меня не было. Больше всего я боялся, что электричество тоже отключат. И вот тогда у меня будут действительно серьезные проблемы, потому что без холодильника закупленная к Рождеству еда испортится и ее придется отправить в мусорное ведро. Вряд ли у меня получится восполнить запасы, тем более что полки в супермаркетах уже начали пустеть.

А значит, несмотря на ужасную погоду и боль в ноге, я должен выйти на работу. При мысли об этом я совсем пал духом. На улице с каждым днем становилось все холоднее, температура грозила опуститься до десяти градусов ниже нуля, а при таком раскладе мы с Бобом рисковали замерзнуть.

И все же я больше не мог сидеть в четырех стенах. Прежде всего, у меня не было никакого желания постоянно прислушиваться к счетчику в ожидании зловещего «бип-бип-бип». Я устал переживать за продукты, лежащие в холодильнике. А еще я знал, как Бэлль и Боб мечтают о Рождестве, и мне хотелось разделить их радостное волнение. Они столько сделали для меня, и в благодарность я мог бы провести с ними несколько счастливых, беззаботных дней.

В глубине души я понимал, что есть еще одна причина. Я не хотел превращаться в ворчливого Скруджа, ругающего Рождество. Не хотел быть Гринчем, который только и делает, что портит окружающим праздник. Спасибо, такого в моей жизни было предостаточно, я слишком долго играл подобные роли. Пора добавить в свой репертуар что-нибудь новенькое.

Глава II. Мальчик по ту сторону занавески

Помните старую поговорку «Рождество – не время года, а состояние души»? Уверен, так оно и есть. Для большинства это состояние радостного ожидания и почти детского восторга. И неважно, что именно вы предвкушаете – вечеринку с друзьями в канун Рождества или праздничный ужин в кругу семьи, – именно это удивительное настроение делает последние недели декабря волшебным временем года.

Но первые тридцать с лишним лет моей жизни я не слишком жаловал Рождество. Для меня оно всегда было сопряжено с грустью и одиночеством. Глядя на наряженные елки и сверкающие гирлянды, я мечтал только об одном – чтобы все это поскорее закончилось.

Но если вспомнить, как прошли мое детство и подростковые годы, то становится понятно, что в таком отношении к празднику не было ничего удивительного. Я родился в Суррее; вскоре родители развелись, и, когда мне исполнилось три года, мы с мамой уехали в Австралию к ее родственникам. Мама получила работу в компании «Rank Xerox», специализирующейся на торговле копировальными аппаратами.

Я был единственным ребенком в семье; мы с мамой постоянно переезжали с места на место, я вечно переходил из школы в школу и нигде не мог прижиться. Я слишком старался влиться в компанию и найти друзей, отчего одноклассники меня в лучшем случае сторонились, а в худшем – начинали изводить. Даже если постараться, я вряд ли отыщу в памяти хотя бы одно приятное воспоминание о школе. В маленьком городке Квин-Рок в Западной Австралии дети и вовсе закидали меня камнями. Закончилось это нервным срывом.

В школе мне приходилось нелегко, но дома было не лучше. Мама очень много работала, колесила по всей Австралии и все время ездила в какие-то командировки. Меня растили няни, поэтому даже дома я страдал от одиночества.

Постоянные переезды означали, что о Рождестве в традиционном понимании, как о празднике семейном, можно было даже не мечтать. Отец остался в Лондоне, поэтому ограничивался подарками, которые отправлял на другой конец света. Впрочем, он не скупился; помню, как однажды я получил от него оригинальный трансформер. Еще был комплект раций и набор дорогих машинок. Конечно, я радовался подаркам, но куда больше мне нравилось разговаривать с отцом по телефону. Его голос на другом конце провода, далекий, слегка глуховатый, был для меня главным событием Рождества.



Как я уже говорил, в Австралии жили мамины родственники, в частности ее брат Скотт. Мы иногда навещали дядю Скотта и его семью в Сиднее, но Рождество с ними не встречали. Мама считала, что это время мы должны тратить на совместные путешествия.

Наверное, в те годы она хорошо зарабатывала, потому что поездки были не из дешевых. Мы летали в Америку и Таиланд, в Сингапур и на Гавайи. Кое-что мне запомнилось особенно ярко. Как-то раз мы летели из Австралии на Гавайи и пересекли международную демаркационную линию суточного времени, то есть, фактически, вернулись в прошлое. Мы улетели двадцать шестого декабря, но когда прилетели на место, на Гавайях еще праздновали Рождество. Получается, я встретил его два раза. Наверное, это было здорово и я отлично повеселился, но, к сожалению, почти ничего не запомнил.

Впрочем, даже во время этих поездок я чаще всего был предоставлен сам себе.

Как-то раз мы встречали Рождество в Лас-Вегасе. Я почти все время просидел в номере, пока мама пропадала в казино. Делать было нечего, и я тупо пялился в телевизор. Проблема в том, что телевидение в отеле было платным, поэтому я все праздники смотрел один-единственный бесплатный канал, по которому транслировали анонс рождественского выступления Долли Партон. Представляете, какой кошмар? Я до сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту, и в ушах у меня звучит пронзительное «Как дела, ребята?».



Еще мы побывали в Нью-Йорке. Поездка обещала быть на редкость увлекательной, но маму свалил тяжелый приступ мигрени, и мне пришлось за ней ухаживать. Кажется, я целую вечность просидел в комнате с наглухо задернутыми шторами. Один момент мне запомнился особенно ярко: озверев от скуки, я спрятался за плотными занавесками и стоял, прижавшись лицом к стеклу. За окном падал снег и сиял огнями Нью-Йорк – я на секунду словно оказался в фильме пятидесятых. Наверное, это самое волшебное рождественское воспоминание, которое я вынес из своего детства.

Были и другие, но далеко не самые приятные воспоминания. Например, во время одного длительного перелета я умудрился пролить на свой новый синий костюм целый стакан апельсинового сока. Мы летели бизнес-классом (понятия не имею, где мама достала деньги на билеты), и стюардесса повела меня переодеваться в хвост самолета. Пока меня не было, мама уснула. Когда я попытался пройти обратно, путь мне преградил высокий стюард, похожий на Барака Обаму. Не обращая внимания на мои слова, он настойчиво пытался усадить меня в эконом-классе. Помню неприступное выражение его лица и то, как он резко задернул передо мной занавески. Было такое чувство, будто меня наказывали за самую мысль о том, что я могу принадлежать к состоятельным людям, летящим бизнес-классом.



Как же он смутился, когда с четвертой попытки мне все-таки удалось прорваться к маме и проскользнуть в кресло рядом с ней! Мама спросонья никак не могла понять, что случилось. Потом она заверила стюарда, что я действительно пассажир бизнес-класса, но он, кажется, так до конца этому и не поверил. Думаю, случай в самолете в некотором роде определил всю мою дальнейшую жизнь. В глубине души я до сих пор чувствую себя мальчиком, по ошибке оказавшимся по ту сторону занавески. Никто не хочет, чтобы я разрушил их уютный мирок, да и сам мир воспринимает меня как чужого.



Не хочу показаться неблагодарным, не думайте, что я в чем-то обвиняю свою мать. Ей приходилось решать кучу проблем, а я был далеко не самым простым ребенком. Наверное, мама думала, что путешествия пойдут мне на пользу, позволят посмотреть мир и набраться приятных впечатлений, но я воспринимал их совсем иначе. У меня было чувство, что мама,

устраивая такие праздники, пытается компенсировать свое отсутствие в моей жизни в течение всего года. Она не понимала, что мне не нужны ни пятизвездочные отели, ни полеты бизнес-классом. Я просто хотел больше времени проводить с ней дома, в нормальной семейной обстановке. А еще я хотел, чтобы меня любили.



Когда мне было десять или одиннадцать лет, мы года на два вернулись в Англию. Несмотря на переезд, Рождество так и осталось для меня довольно грустным праздником. Правда, теперь на то были другие причины. В первый год все вроде бы прошло неплохо: я отмечал Рождество вместе с отцом, его тогдашней женой Сью и трехлетней Каролиной. Думаю, в моей жизни это был самый нормальный праздник, с традиционным обедом за большим столом, обменом подарками и телевизионными шоу. Я наслаждался чувством принадлежности к большой семье и радовался тому, что отец рядом, а не на другом конце света. Но какое Рождество в кругу родных обходится без ссор? По пути к отцу мама купила на заправке куклу в подарок Каролине. Когда ее клали на спину, кукла плакала: «Уааа...» Моя сводная сестра была тогда совсем маленькой, и я поддразнивал ее – мне нравилось, когда она хныкала, как игрушечный пупс. Отца это очень раздражало. «Джеймс, прекрати!» – рявкал он то и дело. Наверное, уже тогда он понимал, что со мной не все в порядке.



Двенадцать месяцев спустя многие пришли к тому же выводу, и следующее Рождество я встречал в детской психиатрической больнице в Западном Сассексе.

К тому времени наши с мамой отношения окончательно испортились, мы постоянно ссорились. Мое поведение было настолько вызывающим и неконтролируемым, что мама заподозрила у меня проблемы с психикой. Один из врачей прописал мне литиум, но лекарство не помогло, и я оказался в больнице. Там меня серьезно обследовали, подозревая все возможные заболевания, от шизофрении до маниакально-депрессивного психоза, но так и не поняли, в чем дело.



О своем пребывании в психиатрической больнице я почти ничего не помню. Возможно, тому виной многочисленные лекарства, которыми меня пичкали. А может быть, мозг решил избавиться от неприятных воспоминаний. Впрочем, уколы, после которых меня неудержимо клонило в сон, я помню достаточно хорошо. Иногда это происходило внезапно: доктор со шприцем появлялся словно из ниоткуда, и секунду спустя я погружался в темноту. Мне было страшно, но я верил врачам и очень хотел поправиться. Конечно же этого не случилось.



Неудивительно, что Рождество в тот год прошло как в тумане. Помню только, что отец водил меня смотреть представление. Кажется, это была «Золушка», и один из персонажей бросал зрителям шоколадные конфеты. Мне спектакль понравился, а вот Каролина всю обратную дорогу проплакала из-за сломанной волшебной палочки. Удивительно все-таки, насколько избирательна наша память.

К следующему Рождеству мы вернулись в Австралию. Думаю, маму одолела тоска по дому, а еще она боялась, что меня запрут в больнице до конца моих дней. Поэтому она и ее новый бойфренд Ник решили, что лучше нам убраться из Англии подобра-поздорову. Возможно, мама надеялась, что австралийский воздух поможет мне излечиться. Но все проблемы мы забрали с собой: я по-прежнему был несчастным ребенком, и мы с мамой по-прежнему не ладили.



Я скучал по Англии и своему отцу. С Ником мне никак не удавалось найти общий язык, мы постоянно ругались. Помимо Рождества с отцом, моим самым светлым воспоминанием об Англии была медсестра Мэнди, добрейший человек из всех, кого я знал. Пока я лежал в больнице, она не только ухаживала за мной; мы очень много разговаривали, и она умела слушать меня, как никто другой. Когда я был ребенком, а позднее и подростком, ни один другой взрослый не утруждал себя тем, чтобы просто выслушать меня. Вернувшись в Австралию, я взял кошку из приюта для животных. Мы с ней по-настоящему привязались друг к другу, и я назвал ее Мэнди, чтобы она напоминала мне о хороших временах.



В остальном становилось только хуже. Я кочевал из одной больницы в другую, но врачи дружно разводили руками. Они не понимали, что со мной происходит. Какое-то время я провел в психиатрическом отделении Больницы принцессы Маргарет в Перте, Западная Австралия. А в семнадцать лет попал во Фрэнкстонскую психиатрическую больницу для детей в регионе Виктория, на противоположном конце страны. Я окончательно отбился от рук и экспериментировал с наркотиками; в ход шло все, начиная с клея и заканчивая медицинскими препаратами. Больше в больнице заняться было нечем. Так я пытался ускользнуть от мрачной реальности.

За время, проведенное во Фрэнкстоне, я видел такое, чего никому не пожелаю. Однажды похожий на неопрятного байкера парень, которого все звали Рэв, попросил у меня бритву. Я думал, он хочет привести себя в порядок, но, конечно, бритва была ему нужна совсем для других целей. К счастью, Рэва удалось спасти, однако я все равно чувствовал себя виноватым. Не думаю, что он всерьез настроился умереть, скорее это был очень громкий крик о помощи.



Люди часто говорят, что у них было тяжелое детство, но думаю, что я имею на это полное право. Развод родителей, постоянные переезды, иногда с одного конца света на другой, – все это выбивало почву у меня из-под ног. Думаю, вряд ли кого-то удивит, если я скажу, что, вернувшись в Англию в восемнадцать лет, я покатился по наклонной. В Австралии у меня обнаружили гепатит С; врачи решили, что всему виной моя наркозависимость, и предупредили, что десять лет жизни – максимум, на что я могу рассчитывать. Узнав об этом, я совсем пал духом (позже оказалось, что у меня очень сильная иммунная система, и десять лет для меня – далеко не предел, но тогда я об этом еще не знал!).



Я устремился в Англию, чувствуя себя приговоренным к смерти. В то время я мечтал стать известным музыкантом, но, конечно, ничего не добился. Первое время я кочевал по знакомым, но в конце концов оказался на улице. Вскоре я перешел на героин и другие тяжелые наркотики, которые помогали мне впасть в забвение и хоть немного притупляли чувство гнетущей тоски и одиночества. Я опускался все ниже на дно и порой искренне удивлялся тому, что до сих пор жив.



В этот период Рождество потеряло для меня всякий смысл. Оно стало просто очередным днем, который нужно пережить.



Несколько раз я отмечал его с отцом, но вряд ли хоть кому-то в доме мое присутствие было в радость. В семье я давно считался паршивой овцой и не слишком на это обижался. Меня действительно сложно было отнести к числу желанных гостей и приятных родственников.

Обычно я приходил к отцу в сочельник, оставался на все Рождество, а двадцать шестого числа он отвозил меня на вокзал. Как-то раз я вышел из машины и обнаружил, что поездов сегодня не будет. Пришлось топать четыре мили до Кройдона, где я сел на электричку. На дорогу я потратил почти час, и этот случай, конечно, не улучшил моего отношения к Рождеству.

Честно говоря, я приезжал к отцу только ради праздничного обеда. Я бродяжничал, ночевал в приютах, денег у меня никогда не было, и для того, чтобы добыть еду, мне нередко приходилось рыться в помойках позади больших супермаркетов. Я даже не смотрел на то, что кладу в рот, если оно нормально пахло и было не слишком противным на вкус. А Рождество в отцовском доме означало огромную тарелку с едой и возможность несколько раз попросить добавки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.